УДК 239

В. С. Ягья

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ: G-3

ЯГЬЯ Ватаняр Саидович – доктор исторических наук, профессор заведующий кафедрой «Мировая политика», факультет международных отношений;
Санкт-Петербургский государственный университет.
191060, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд, Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: ZOKOEVAZV@sir.edu.

В статье доказывается необходимость создания формата G-3 в составе России, Китая и США. Его предназначение состоит в трехстороннем обсуждении острых проблем взаимоотношений, достижения взаимоприемлемых договоренностей по ним и выработке рекомендаций по решению актуальных вопросов международных отношений. В своей деятельности G-3 признает центральную глобально-управленческую роль ООН. G-3 будет действовать, привлекая другие крупнейшие центры мировой политики, учитывая складывающуюся конфигурацию международных отношений и содействуя становлению нового мирового порядка, соответствующего запросам, тенденциям, трендам и трекам текущего столетия.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ; РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ; ФОРМАТ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ; ООН; РОССИЯ; КИТАЙ; США.

Современная международная обстановка характеризуется небывалой турбулентностью, хаотичностью, резким ослаблением глобальной и региональной систем управления, выходом на мировую авансцену ислама, ставшего мощным политическим конкурентом иным религиям и государствам с преобладающим немусульманским населением,

иммиграционным кризисом в Европе, подъемом на этом континенте исламофобии и антисемитизма, многочисленными региональными войнами, применением целым рядом стран в своей внешней и внутренней политике двойных стандартов, разжиганием застарелых конфликтов, обид и забытых было обвинений со стороны соседей и их соседей, активизацией международного терроризма, внутристрановой нестабильностью, ростом сепаратизма, этнорасовой непримиримости, национализма и шовинизма, обострением межгосударственных противоречий, разрастанием гибридных войн и цветных революций и прочими дестабилизирующими событиями, процессами и явлениями. Одно лишь их перечисление заняло бы немало места. Суть, однако, не в их количестве и, тем более, не в их терминологическом поименовании, а в том, что они заставляют человечество не только задуматься о своей судьбе, будущности и даже выживаемости, но предпринимать решительные действия по ликвидации возникающих рисков, угроз и вызовов и примирению враждующих государств. На этом пути немало трудностей, преград, взаимного недоверия, опасений, нарушений международного права, амбиций, преувеличения собственных возможностей и потенциала, унижения достоинства одних государств другими, бряцания оружием и даже ядерным, втягивания якобы национальных интересов в череду своих приоритетов, показной демонстрации возросшей военной мощи, небывалого возвеличивания прошлых побед, забвения крупных поражений, раздувания имперского величия, искажения исторической правды и т.п.

Реалии сегодняшнего дня настоятельно требуют поиска новых форматов глобального и регионального управления, избавления уже существующих институтов от присущего им оголтелого и ничем не оправданного противоборства, от предвзятости в отношениях друг с другом, повышения цивилизационного измерения внешней и мировой политики, углубления и расширения полицентричности мироустройства, отражающей многообразие государств и нарастающего числа новых акторов мировой политики, формирования нового мирового порядка, соответствующего модернизационным и инновационным основам текущего столетия и перспективного устойчивого развития, разумного

применения мягкой силы, повсеместной активности гражданского общества. Несомненно, необходима поддержка и укрепление роли ООН как универсального глобального центра регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI в. Это, конечно, не исключает создания иных мирополитических и интеграционно-экономических организаций, которые повышают устойчивость управляемости мирового развития. При этом позиция Российской Федерации четко определена в Концепции её внешней политики 2013 года.

В Москве твёрдо убеждены в том, что глобальное управление «требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношениях и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН» [1]. В этих целях страна наращивает сотрудничество в различного рода форматах международных политических и экономических отношений. Одновременно она и сама активно инициирует их создание. Яркий пример тому – Евразийский экономический союз, начавший свою деятельность с 1-го января 2015 г. Важнейшим его шагом в мировой политике и глобальной экономике явилась договоренность с Китаем о сопряжении своих проектов с провозглашенной Генеральным секретарем ЦК КПК Председателем КНР Си Цзиньпином программой «Один пояс – один путь». Возникающее, таким образом, взаимодействие послужит подъему политического и экономического сотрудничества на обширной территории не только государств ЕАЭС и Китая, но и тех стран, которые войдут в обширную географическую сферу «Одного пояса – одного пути», представляющего собой своеобразное соединение грандиозных планов, в совокупности получивших название в Поднебесной «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Не исключено, что может образоваться какая-то крупная институциональная структура, регулирующая принятие совместных конкретных проектов, их имплементацию и, конечно, наблюдательные функции. Тем более что признаки этого уже налицо. Кстати, в упомянутой Концепции внешней политики России – 2013 не только перечисляются уже известные на время её принятия форматы, в которых участвует наша страна, но и делается

ссылка на использование других структур и деловых площадок. Судя по всему, имеется в виду и появление новых подобных институтов.

В ведущих странах мира также придается немалое значение международным универсальным и региональным организациям, но в них, как правило, то или иное государство стремится сыграть лидирующую роль. Против такого подхода выступает Москва и поддерживающий её Китай, ставший второй экономической державой мира, наращивающий свой внешнеполитический потенциал, серьезно теснящий США с лидирующих позиций в мировом сообществе, отказавшийся при нынешнем руководстве от, как советовал отец китайского чуда Дэн Сяопин, созерцания происходящего в мире [2] и значительно активизировавший свою деятельность на мировой арене, а также обладающий все усиливающейся военной мощью.

Видя в Китае своего главного конкурента в мировой политике, в глобальной экономике и в иных сферах межстрановых отношений, США предпринимают значительные шаги по его сдерживанию, по ограничению растущего влияния Поднебесной в мире. Здесь не только создание в 2016 г. Транстихоокеанского партнерства (ТТП, Trans-Pacific Economic Partnership) в составе 12 стран, к которому собирается, по словам председателя сената этой страны Гусмана, сказанным во время встречи в феврале 2016 г. с Председателем Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В.С. Макаровым[1], присоединиться тринадцатым участником Индонезия. В Китае и России долгое время в академических и политических кругах осуждали это торгово-экономическое объединение, ссылаясь, в частности, на то, что соглашение о ТПП, подписанное в начале октября 2015 г., составлялось без них (без Москвы и Пекина). Выдвинутое Вашингтоном в ноябре того же года приглашение Китаю и России

[1] Это же намерение Индонезии обсуждалось и в марте 2016 г., когда в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга проходила беседа с Председателем Административного комитета индонезийского Совета представителей регионов (сената) Хабибом Али Алви. Он немного задумался, когда был задан соответствующий вопрос, предварительно спросив, как на него ответил Гусман. Узнав о мнении главы сената, Алви стал рассуждать о том, что Индонезия осторожно ведет свою политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ориентируясь при этом на Китай, и поэтому вряд ли вступит в ТТП. По окончании беседы он, что называется кулуарно, заявил о своей любви к России. Иную точку зрения относительно участия Индонезии в ТТП в ходе официальной беседы высказал сенатор Ахмад Наварди. Он не отрицал возможность полноправного членства Индонезии в ТТП, мотивируя это тем, что его страна отдает приоритет прибыли в своих мирохозяйственных связях, а пребывание в ТТП обещает высокий товарооборот и, естественно, немалый доход.

вступить в ТТП было фактически проигнорировано и Москвой, и Пекином, ибо обе столицы еще до этого неоднократно также заявляли о необходимости создания общерегионального (в рамках всего АТР) торгового объединения, а Поднебесная в противовес Вашингтону занимается еще и формированием своего торгово-экономического блока. По-видимому, большим антикитайско-антироссийским подспорьем для США станет образуемое ими совместно с ЕС Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство. В Китае, отвергая предложение о вступлении в ТТП, не забыли слова президента США Барака Обамы о том, что «странам, подобным Китаю, не следует разрешать писать правила глобальной экономики. Нам следует самим писать эти правила» [3]. Да, и в России на это заявление не могли не обратить внимание.

Российско-американские отношения пребывают в настоящее время в глубоком кризисе, который носит фундаментальный характер, определяемый ныне в том числе и противостоянием Запада и России по поводу известных событий в Украине. Вряд ли прав, однако, экс-министр иностранных дел России И.С. Иванов, утверждая, что в этом противостоянии отсутствует идеология по линии советский коммунизм-западная демократия [4]. Слов нет, с коммунизмом Россия покончила, хотя родимые пятна советского периода сохранились, но главное состоит в том, что между Россией и США конфронтационным фундаментом служит противостояние идеологий супердержавности. И никуда от этого не деться ни Москве, ни Вашингтону. Ведь не случайно поименование России региональной державой высшими властями США вызывает неизбывный, скрытый или явный, гнев в официальных и политических кругах России. В Китае же, который стремится сам к супердержавности, спокойно относятся в таким оценкам, хотя и понимают, что ныне страна выдвинулась в число стержневых, лидирующих держав мира, которую за глаза или в глаза порой величают супердержавой. Тем более, что в Пекине не скрывают своих амбиций, выдвинув задачу к 2050 г. добиться «китайской мечты о возрождении величия китайской нации». Важно и то, что у Китая и США глубокая экономическая взаимозависимость и многосторонее финансовое, банковское, военное, торговое и политическое взаимодействие. Все это свидетельствует о глобальности не только позиционирования Китая и

США в мировом сообществе, их ведущей роли в мировой политике и экономике, а также об их суперконкурентности. В китайско-американских отношениях немало острых противоречий, трудноразрешаемых проблем, заметного недоверия друг к другу. И тем не менее показательны слова премьер-министра КНР Ли Кэцяна о том, что китайско-американские отношения будут развиваться стабильно и поступательно. Впечатляет и присутствие Председателя КНР Си Цзиньпина, одного из немногих руководителей более 50 стран-участниц, в Вашингтоне на саммите по ядерной безопасности в конце марта – начале апреля 2016 г. и его встреча с президентом США Бараком Обамой, который далеко не всех удостоил таким вниманием. Нельзя пройти мимо и редакционной статьи «Независимой газеты» под очень примечательным названием «США и Китай не будут наступать на ноги друг другу» (30 марта 2016 г.).

Иной точки зрения придерживается советник президента компании «Роснефть» и член клуба «Валдай», а в недавнем прошлом многолетний разведчик-нелегал А. Безруков. По его мнению, «Объективно американцы хотят настроить против Китая его соседей – Японию, Индию, нас. Поэтому для нас очень важно выстраивать долгосрочные неконкурентные отношения с Китаем и Индией». В этом же интервью он предполагает, что для США, благополучие которых зависит от жизнеспособности глобальной системы, построенной ими, «Россия потенциально может представлять проблему, если она создает конкурентный блок, который станет альтернативной системой как в плане безопасности, так и в плане экономики. Наиболее серьезным ударом для США было бы создание большого евроазиатского блока, например, Россия – Германия. Этот блок по своей ресурсной и военно-политической мощи вывел бы Европу и большую часть Азии из-под контроля американской системы. Стал бы де-факто конкурентом» [5]. Он предсказывает также, что неизбежна смена внешнеполитического курса США в сторону признания происходящих перемен в мировой политике, потеря США нынешней лидирующей роли.

Развитие мира идет в направлении созидания новой модели взаимодействия России и США [6]. Об определенном выправлении российско-американских отношений говорит и В.В. Путин. Президент

России, ведя диалог с россиянами 14 апреля 2016 г., сказал, что Россия хорошо сотрудничает с США в борьбе с терроризмом и по Сирии [7].

Наряду со всеми негативными аспектами развития отношений между тремя странами Россией, Китаем и США есть немало примеров, характеризующих наличие позитивного взаимодействия между ними. Свидетельство тому – визиты, предпринятые в 2015 г. Си Цзиньпином в США и Великобританией [8]. На основе достигнутых договоренностей в Вашингтоне российский журналист В. Скосырев, много пишущий о Китае, опубликовал статью под очень интригующим названием «Китай делает ставку на расширение связей с США» [9]. Да и с ЕС у Китая немалые успехи в сотрудничестве: возникшие экономические отношения, включая внешнеторговый оборот в объеме 529 млрд. долл. в 2014 г., характеризуются беспрецедентной экономической взаимозависимостью Поднебесная является вторым после США крупнейшим торговым партнером ЕС. А итоги визита Си Цзиньпина в Лондон Жан Юнба и Ву Сяо оценили, как рассвет новой эры. Любопытна, в связи с растущим взаимодействием ЕС и Китая, также статья белорусской журналистки И. Плескачевской, в которой дан политологический анализ визита Си Цзиньпина в марте 2016 г. в Чехию. Одновременно автор указывает на огромную роль китайской диаспоры в Венгрии в продвижении интересов Поднебесной и позиционирование Польшей себя как базы китайского развертывания в Европе [10]

В одной из своих статей известный российский востоковед Ю. Тавровский даже назвал инициативу «Один пояс – один путь» КНР Си Цзиньпина «Возвращением на Запад» [11].

Судя по всему, проанализировав контакты Китая с ЕС, с отдельными странами-членами этого объединения Ю. Тавровский предположил, что «Один пояс – один путь» «может стать объединяющей осью для нескольких других интеграционных форматов, включая ЕАЭС, ШОС, БРИКС, АСЕАН, Европейский союз» [12]. Ни в одном из этих форматов нет США. Однако, учитывая значение США для Китая в экономическом и политическом плане, в том числе в области двусторонней торговли, объем которой составляет не менее 560 млрд. долл., наличия у Китая многотриллионнодолларовых государственных облигаций США,

триллионы долларов в золотовалютных накоплениях Китая, инвестиционные капиталовложения США в экономику Китая и масштабы реализации готовности Поднебесной к инвестициям в США, следует допустить, что Вашингтон не останется в стороне от имплементации ряда идей Ю. Тавровского. (Знают их в Белом доме или нет – это другое дело. По крайней мере прогнозы Ю. Тавровского построены не на пустом месте). Что, на мой взгляд, уже нашло свое подтверждение в включении МВФ юаня в число резервных валют, среди которых не значится рубль, хотя и была поставлена задача добиться такого статуса российской денежной единицы еще президентом Д.А. Медведевым.

Тем не менее, Россия – значимая, если не сказать больше, держава в мировой политике и глобальной экономике во втором десятилетии XXI в., несмотря на все трудности и сложности её развития после холодной войны, распада Советского Союза и введения Западом санкции против нее в последние 2 года. Её внешнеполитическая поступь на мировой арене весьма весома, что заставляет мир считаться с ней. Уместно здесь привести суждение заведующей Отделом европейских политических исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН) Н.К. Арбатовой о том, что «отношения России с Евросоюзом, как и с Западом в целом, можно охарактеризовать как гибридные, когда, несмотря на «серьезное похолодание международного климата, сохраняется и экономическое, и торговое сотрудничество, переговорные процессы по наиболее актуальным вопросам международной и региональной безопасности. И совершенно естественно, что международные акторы, будь то ЕС или Россия, руководствуются своими, а не чужими интересами» [13].

Видный политик и экономист У. Энгдаль, живущий последние лет 20 в Германии, считает, что Россия находится в авангарде нового мира [14]. Стоит согласиться с его точкой зрения, что Москва «с помощью блестящих геополитических комбинаций добилась в последние месяцы немалых успехов…» К такому выводу он пришел, проанализировав политику России на Украине. Не все для нее проходит гладко на мировой арене. Так, произошло, например, при принятии 17 марта 2011 г. в Совете Безопасности ООН резолюции 1973, когда Россия предлагала поработать

еще над её текстом, устранить в нем двусмысленности, неясности, неточности и сделать его взвешенным, строго выверенным, но не была поддержана другими членами Совета Безопасности ООН (СБ ООН). Тогда наряду с Китаем, Бразилией, Германией и Индией, Москва, уступая авторам резолюции Франции, США и Великобритании и надеясь все-таки на их государственное благоразумие, воздержалась при голосовании по проекту резолюции 1973, предусматривавшей внешнее военное вмешательство по ликвидации режима Муамара Каддафи [15]. Со временем президент США признал свою позицию в отношении Ливии ошибкой, хотя правильнее было бы назвать ее катастрофой. Попутно отмечу, что В.В. Путин, в то время занимавший пост премьер-министра, резко осудил эту резолюцию, как только она была принята. (Администрация главы государства Д.А. Медведева тотчас же отреагировала, заявив, что внешняя политика находится в ведение президента). Объясняя свою позицию касательно резолюции 1973, МИД РФ ссылался на то, что все-таки предоставлял шанс на мирное урегулирование ливийского кризиса Сотрудники Постоянного представительства России при ООН и других международных организациях в Женеве М. Ходынская-Галенищева справедливо написала, что «судьбу Ливии решила НАТО» и что «позиция Москвы намеренно дискредитируется», в то время как Россия «настаивала на решении конфликта политико-дипломатическими средствами» [15]. Вот почему Россия, убеждаясь, что действия Запада напрямую нарушают или могут нарушить резолюцию 1973, чуть ли не сразу же внесла в СБ ООН свой проект резолюции, предусматривающий приоритетность политического урегулирования в Ливии. Однако западные члены СБ ООН отказались поддерживать данный проект, тем самым еще более сконцентрировавшись на военном решении проблемы Ливии. Имея в виду Ливию и другие арабские страны, подвергшиеся агрессивному вмешательству Запада и внедрению в них насилия, нищеты, социальной катастрофы, президент РФ В.В. Путин на юбилейной 70-й Генеральной Ассамблее ООН обратился с прямым и жестким вопросом: «Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?». И он тут же сам дает ответ «Но боюсь, этот вопрос повиснет в воздухе, потому

что от политики, в основе которой самоуверенность, убежденность в своей исключительности и безнаказанности, так и не отказались» [16]. Учтя уроки Ливии, Россия уже по-другому вела себя при разрешении сирийского кризиса, что приводит к благоприятному позитивному разрешению конфликта в Сирии, а также к взаимному выстраиванию военных и политических отношений с Западом, прежде всего с США, касательно ИГИЛ (ДАИШ) и других террористических организаций, творящих зло на территории этой арабской страны.

Россия, с осени 2015 г. пойдя навстречу пожеланиям сирийского руководства по искоренению терроризма в этой стране, обеспечению её суверенитета, наведению порядка в ней и примирению воюющих стран и одновременно защищая свою независимость на дальних рубежах, обрушила авиабомбовые и ракетные удары на позиции террористической организации ИГИЛ (ДАИШ) и её союзников на территории этого арабского государства. Своими активными военными действиями и искусной дипломатической работой Россия добилась больших успехов по организации совместно с США перемирия в Сирии. Не случайно, по сообщению РБК со ссылкой на Интерфакс 8 марта 2016 г., верховный комиссар ЕС по внешней политике Ф. Могерини убежденно заявила, что сотрудничество России и США в Сирии опровергает рассуждения о новой «холодной войне». Взаимодействие США и России в Сирии внушает надежду, что это послужит своеобразной политико-организационной базой для совместного решения других наболевших, острых проблем мировой политики. Кстати, этот условно назовем «сирийский канал» связи России и США – один из немногих еще действующих коммуникационных каналов между ними. Среди них важную роль играет также прямая телефонная линия. В условиях, когда нарушена договорно-правовая база между ними, как пишет экс-министр Иностранных дел России И.С. Иванов, «объективно растут риски возникновения конфликтов в результате случайностей, технических неполадок или неверно истолкованных действий противоположной стороны» [4]. Необходимость возрождения широкомасштабного сотрудничества США и России в мировой политике и глобальной экономике очевидны. Этого настоятельно требуют реалии сегодняшнего дня, содержащие немало угрожающих миру событий,

конфликтов, ядерных намерений КНДР и пр. Еще раз сошлюсь на И. Иванова, справедливо утверждающего, что «ненормальное состояние и негативная динамика отношений между Москвой и Вашингтоном становятся серьезной проблемой не только для наших двух стран, но и для международной системы в целом» [4][2]. Возможно, стоит прислушаться также к мнению А.Л. Кудрина, руководителя Комитета гражданских инициатив, и экспертов Института современного развития, о том, что «политика России найти альтернативу в развороте на Восток [*этот разворот был провозглашен, когда Запад ввел санкции – В.Я.*] не принесет успеха. Разворот на Восток для экономики РФ нереалистичен, поскольку на Востоке, где успешно работают многие западные институты, мы все равно встретимся с Западом» [17]. Резон в этих словах, разумеется, есть. Но не только по причине деятельности там западных институтов. Дело в том, что экономика и политика азиатских стран Востока в целом тесным образом связаны с мировым хозяйством и глобальной политикой. Именно на Запад, прежде всего на Вашингтон, ориентировано большинство стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), куда, кстати, и устремилась Россия, чтобы компенсировать ущерб, причиняемый обструкцией Запада, приобрести мощные импульсы для своего устойчивого развития и занять достойные позиции в АТР, являющегося локомотивом мирового роста. И еще присутствует одно обстоятельство, речь идет о том, что США несколько лет тому назад, еще до заявления Москвы о развороте в Азию, к Востоку, сами объявили о возвращении на этот континент. И в этих

[2] Не стоит полагать, что я согласен со всеми положениями, выдвинутыми И.С. Ивановым, ныне президентом Российского совета по международным делам. Так, например, по его мнению, далеко не аргументированному и, безусловно, исключительно спорному, в «современном мире, если и существует антагонистический конфликт цивилизаций», то «скорее между западным либерализмом и исламским фундаментализмом». Правда, это «скорее» относится к его точке зрения, согласно которой цивилизационный конфликт «уж, конечно, не между США и Россией». Вот здесь-то и зарыта собака. На мой взгляд, написав слово «скорее», автор допускает, что не исключается и цивилизационная конфликтность между США и Россией. По-моему, если она и имеется, то прежде всего в идеологической сфере, о чем говорил А. Безруков. – См.: Сурков Н. Указ. соч. И еще – вряд ли прав И.С. Иванов, выдвигая свою трактовку содержания цивилизационного конфликта. На мой взгляд, точнее говорить о цивилизационном конфликте между, с одной стороны, христианско-иудейскими ценностями и современными моральными нормами бытия и, с другой, - исламским фундаментализмом. Здесь, к сожалению, не место для научной дискуссии по этой проблеме. Многие её аспекты см.: Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Страны Северной и Северо-Восточной Африки // Отв. Ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: ЛЕНАНД, 2015-424 с.; Модестов С.А. Геополитика ислама. М.: Молодая гвардия, 2003, – 191 с.; Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти. Международная конференция. Казань, 29-30 мая 2015 г. Сборник материалов / Сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2016 – 588 с.

разворотных тенденциях обнаруживается соперничество, конкуренция двух великих держав, в которой присутствует и Китай. Да, и Поднебесная, как уже отмечалось выше, не стоит в стороне от движения на Запад.

Следует учитывать также то, что экономика Китая стала развиваться медленнее, чем года два тому назад; сокращается его экспорт; снижаются темпы роста ВВП. Этот процесс в Поднебесной назван «новой нормальностью», а это означает и понижение импорта сырья. Хотя в целом надо признать, что текущее экономическое состояние Китая не несет угрожающего риска самой китайской экономике, но вот для ориентирующихся на нее зарубежный бизнес страдает. Представляется, что руководитель Центра экономического и социального исследования Китая, заместитель Института Дальнего Востока РАН профессор А.В. Островский излишне алармистски настроен, написав «По-настоящему серьезным долгосрочным риском не только для китайской экономики, но и для всего Китая являются три глобальные проблемы: народонаселение, нехватка энергоресурсов и загрязнение окружающей среды, обострение которых может ввергнуть Китай в затяжной экономический, а затем и политический кризис» [18]. Возможно, этот маститый ученый не учел новую демографическую политику Китая, предусматривающую массовую эмиграцию китайцев за рубеж, в том числе на Дальний Восток России и в страны, подпадающие под действие стратегии «Один пояс – один путь», активность Поднебесной в импорте энергоресурсов «которая может уменьшиться в связи с падением развития самого Китая», и обязательства Китая в соответствии Парижским природоохранным соглашениям, уже подписанным 175 странами, в том числе Пекином, конечно, нужно принять во внимание в этом отношении и факторы, соответствующие политике соседей Поднебесной, а также США, пристально следящих за тем, что происходит в Китае. Да, и планы достижения китайского чуда к середине XXI века нельзя сбрасывать со счета, когда речь идет о внутренних и внешних рисках и угрозах Китая. Особо важна здесь линия партнерства, сотрудничества и взаимодействия Китая с Россией и США.

Да и глобальные тенденции периодичности подъема и спада мировой экономики не могут находиться вне учета, когда рассматриваются перспективы Китая в XXI в. Ожидается, например, замедление развития

глобальной экономики в связи со снижением роста ВВП Китая, а российской – даже спад [19]. Китай поступает в отношении России, исходя из конфуцианской мудрости «богатые соседи – мирные границы», и поэтому договоренности, достигнутые на высшем уровне в 2014–2015 гг. действуют, от них никто не отказывается, но и продвигаются они в жизнь с трудом, не без препятствий, порождаемых бюрократией или реальными событиями и фактами.

Как уже отмечалось выше, существует единое видение у Пекина и Москвы целого ряда мирополитических процессов и тенденций, сопряжение национальных интересов и, разумеется, экономических трендов. Но есть и различия в мировидении Китая и России. Многие из них отличны, однако, от проблемности, по сути своей от существа сложных расхождений в концептуальных подходах и взглядах, не лишенных порой конфликтности, во взаимодействии этих стран с США. Но это не означает, что они не должны решаться Наличие различий в миропонимании, в позиционировании на мировой арене, пирамидальном миростроении, в амбициях и устремлениях в формировании нового мирового порядка, во взаимодействии друг с другом и контактах с иными странами – все это и многое другое в цивилизационном измерении мировой политики тем не менее не исключает поиска взаимоприемлемых путей для устранения противоречий, смягчения напряженности взаимоотношений, развития добрососедства, партнерства, культуры и взаимной лингвополитики, а также создания инфраструктуры общего в исторической памяти. Разумеется, имеются общие черты и неодинаковые двустороннего характера (Россия-Китай, Россия-США, США-Китай), но всегда можно найти взаимоприемленность оценок прошлого. Надежды на успешность взаимных контактов не оставляют тех, кто вплотную занимается вопросами стабилизации этих отношений. Так, в России, оценивая взаимное участие в разрешении сирийского кризиса весной 2016 г., твердо убеждены в том, что контакты с США всегда проходят плодотворно. Телефонные переговоры «С. Лавров – Дж. Керри» и «В.В. Путин – Барак Обама» весной 2016 г. – тому яркое подтверждение. Более того, в начале мая стороны договорились о создании в Женеве Центра мониторинга прекращения огня в Сирии. Вообще, сотрудничество в

разрешении сирийского кризиса, возможно, явится залогом нормализации российско-американских отношений, а подключение к этому процессу стало бы прологом к тройственному соучастию в восстановлении мира на Ближнем Востоке. К такой совместной деятельности путь лежит, возможно, через достигнутый Россией и Китаем в самом конце апреля договорённости о координации позиций по сирийской, иранской и ливийской темам. Это может стать первым российско-китайско-американским опытом предотвращения конфликтов, в том числе в Южно-Китайском море: С.В. Лавров определил позицию России в отношении спорных островов в этом море, заявив, что Москва против вмешательства внешних игроков [20]. Втроем «Москва-Пекин-Вашингтон» могли бы, судя по всему, договориться по крайней мере о снижении конфликтогенности в этом районе.

А Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Москве Ли Хуэй, поздравляя читателей журнала «Москва–Пекин» с наступившим годом Огненной Обезьяны, высказал уверенность в том, что в новом году «руководители двух стран приведут ряд встреч, что даст новый импульс практическому сотрудничеству в различных областях». Он имел в виду, прежде всего, предстоящий июньский визит В.В. Путина в Китай. В свою очередь Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Пекине А. Денисов пожелал, «чтобы в этом году рождалось больше интересных идей и проектов, которые открывали бы для нас новые горизонты сотрудничества и помогали укреплению дружеских связей…» [21]. Кстати, эти добрые и весьма напутственные слова можно, без преувеличения, распространить и на всю палитру российско-китайско-американских отношений.

Примечательно, что если российско-американские отношения переживают глубокий кризис, то таковой отсутствует у Китая и США, хотя у них немало серьезных противоречий. Тем более если довериться словам все того же Ю. Тавровского: «Заморское царство – гегемон стало требовать все новых уступок и продвигать войска к рубежам Поднебесной» [22]. В таком случае, как он предсказывает, жди беды. Однако те международные и внутристрановые инициативы, предпринимаемые китайскими властями под руководством товарища Си (в частности, в области экологии), его многочисленные зарубежные поездки, проводимая в Пекине подготовка к саммиту G-20 в сентябре 2016 г.,

повышение расходов на вооружение, по которым Китай занимает второе место в мире после США, а четвертое – Россия; сокращение армии на 300 тыс. чел., происходящая в стране перестройка военного командования и нацеленности вооруженных сил Китая на зарубежные операции, введение новейших технологий, курс на масштабные китайские инвестиции за рубежом, развитие инновационного и модернизационного производства являются залогом того, что Китай еще более повысит свой хозяйственный, политический, мягкосиловой, гуманитарный, военный и цивилизационный потенциал. Такие же цели повышения своего цивилизационного, мирополитического и глобально-экономического могущества ставят перед собой и США, и Россия. В конкурентной борьбе этих трех стран цивилизационное измерение становится одним из важнейших черт их соперничества и сотрудничества.

Особо следует обратить внимание на цивилизационные различия Китая и США, да и России, но это отнюдь не причина для обострения отношений между ними, для возникновения кризисных ситуаций в китайско-американских и российско-американских отношениях, а также ожидать худших сценариев в их развитии. Для знакомства американцев с китайской цивилизацией, её ценностями и ориентирами нынешнее руководство Поднебесной широко использует распространение китайского языка в мире в целом и в США в частности [23], а также уделяется большое внимание диаспоральной политике: ведь в США проживают миллионы китайцев, притом компактно, хорошо организованы и исключительно (как и повсюду в мире) трудолюбивы, являются естественными пропагандистами китайской культуры среди населения США. Слов нет, все это позитивы в китайско-американских отношениях. Но в Пекине не скрывают своих опасений со стороны заокеанской сверхдержавы. Особое беспокойство в Пекине, да и в Москве вызывает развертывание США системы ПРО в регионе. Но и Поднебесная не безгрешна по отношению к США и её союзникам в Восточно-Китайском и особенно Южно-Китайском морях. Это, конечно, уменьшает степень доверия друг к другу, если оно вообще есть, но без него невозможно выстраивать бескризисные, бесконфронтационные, эффективные многосторонние и договорно-правовые отношения всей тройки ведущих

государств мира – России, США и Китая. Оно просто необходимо. Только в таком случае они смогут составить ось мировой политики, точнее одну из осей взаимодействующих, взаимозависимых, взаимовлияющих и взаимодоговорящихся. То есть ось Москва–Вашингтон–Пекин не должна быть единственной. Для современной мировой политики, ориентируемой на многополярный мир, должна быть полиосевая структура. Может быть где-то или в чем-то она смыкается с многополярным, или полицентричным миром [24]. Но все-таки это не одно и то же. Как уже отмечалось, у каждой из этой тройки государств свои интересы, свое мировидение (по крайней мере, с точки зрения одной или двух стран этой тройки), свои проблемы, трудности, свой позитив и свой негатив. Конкуренции, политической, экономической и военной, друг с другом им не избежать. Но с точки зрения мироустойчивости, миротворчества и вопросов глобальной, региональной и национальной безопасности важно, чтобы эта конкуренция не осложнила мирополитические процессы, не перерастала в конфликтные отношения, и все спорные, неоднозначно толкуемые проблемы решались бы политико-дипломатическим путем во имя, в конечном счете, мира на Земле. Разумеется, каждой из стран надо будет проявлять наивысшее искусство дипломатии. Не будет преувеличением сказать, что реалии современности вынуждают эту тройку заниматься поисками возрождения, нормализации, развития и укрепления связей между собой и в масштабе всего мирового сообщества, в том числе через сложившиеся уже или формируемые новые международные институты.

Институциональные возможности трех ведущих государств мира – России, Китая и США во второй половине XXI в. оказались ограниченными, ибо Россию, к сожалению, вывели из G-8, а Китай и не входил в нее, российско-американские отношения на внешнем уровне практически по многим направлениям прерваны, либо чуть-чуть теплятся; предложенная Бараком Обамой на заре его еще первого президентства идея G-2 в составе США и Китая, которая определяла бы основные направления развития мира, провалилась из-за позиции официального Пекина, сославшегося на приверженность принципам многополярного мира [25] и т.д. и т.п. Однако, в академических и политических кругах

Китая нет-нет да возникнут рассуждения о том, как бы было хорошо, если бы организовать это G-2.

И в Москве, и в Пекине, и в Вашингтоне, несмотря на имеющиеся между ними несогласованности, недоверие, противоречия, отказ от перезагрузки, осознают неизбежность диалога, активизации имеющихся и создания более перспективных форматов политического общения, новых подходов друг к другу, к хотя бы сохранению нынешнего статус-кво в мироустройстве, уж если мировой порядок, соответствующий двадцать первому веку, складывается медленно, противоречиво, порой даже провально по многим параметрам. Конечно, многое будет зависеть от того, кто станет президентом США на 2017–2021 гг., кто взойдет на вершину власти в 2018 г. в России и, кто в 2021 г. в Китае. Эта ремарка на несколько отдаленные годы уместна в связи с тем, что тройственное соучастие в налаживании собственных отношений и в воздействии посредством диалога и привлечения заинтересованных акторов в мирополитическоих процессах потребует немало лет напряженной профессиональной работы. Но начинать надо уже сейчас, как бы ни было поздно: пока еще функционируют сохраняющиеся каналы взаимообщения, взаимодействия и совпадения по тематике происходящего. Это, по-моему, составляет инфраструктуру начала очередного подъема межгосударственных отношений. И если для российско-американских отношений это начало связано с выходом из кризисного состояния, в котором они оказались в середине второго десятилетия XXI века, то для китайско-американских отношений оно являлось бы началом позитивной реализации достигнутых договоренностей для искоренения или по крайней мере заметного смягчения имеющейся, притом время от времени нарастающей, напряженности и устранения взаимных опасений, обвинений и недомолвок. Конечно, между этими двумя, как принято в настоящее время, треками межгосударственных параметров есть существенные различия в исходных позициях, их качественных характеристиках. И уж, конечно, разительная картина в сравнении с ними в состоянии и перспективах китайско-российских отношений, которые официально определяются как всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие [26]. В ходу стало употребление термина

«всеобъемлющее партнерство» (При этом, однако, в китайских СМИ и научных трудах нет-нет, да и публикуются карты Поднебесной с включением в её пределы российского Дальнего Востока и соседних к нему сибирских территорий. Хотя в соответствии с договором о добрососедстве 2001 года Китай отказался от территориальных претензий к России). Свидетельством наличия добрососедских отношений, активности и доверительности в бизнесе стал лозунг «Две страны – одно дело», под которым прошел Второй Пекинский Российско-Китайский международный форум BIEF-2015.

Подключение китайско-российской геоэкономической и геополитической парадигмы к двум вышеназванным трекам, несомненно, будет позитивно воздействовать на атмосферу взаимоотношений всей державной троицы. Надо иметь в виду, что от атмосферы российско-китайско-американских отношений зависит общий климат на мировой арене и что их состояние, перспективы и криптограмм воздействуют на тональность жизнедеятельности всего мирового сообщества. У Москвы, Вашингтона и Пекина есть вопросы не только для двустороннего обсуждения, но и для трехстороннего. Итоги двусторонних консультаций, бесед, переговоров, телефонных разговоров благоприятно сказываются на трехстороннем политическом взаимообщении. Тогда вряд ли появятся разглагольствования, подобные тем, о которых поведал ничтоже сумняшеся глава Пентагона Эштон Картер 17 марта 2016 г. на слушаниях в сенатском комитете по вооруженным силам. Тогда он назвал 5 глобальных угроз для безопасности США, поставив на первое место Россию, а на второе – Китай [27].

Все три страны на фоне все ухудшающейся мирополитической обстановки и растущих разногласий между собой, сталкиваются, однако, и с общими вызовами. Их устранение имеет глобальное значение. В последнее время появились обнадёживающие оценки происходящего. 25 марта 2016 г. Телеканал РБК около 12 часов московского времени передал две очень важные информации, находящиеся в русле тематики данной статьи: 1. эксперты Валдайского клуба заявили, что Россия сделала окончательный разворот в сторону Азии (на мой взгляд, это поспешный вывод), и 2. С. Иванов, руководитель администрации Президента, назвал

отношения России и Китая образцовыми для XXI века. В связи с этой оценкой, по-моему, следовало бы России активнее привлекать Китай к её внешнеполитической деятельности, когда решаются судьбоносные вопросы мирового уровня. По-видимому, тогда возникнет б***ó***льшая степень достижения целей российской дипломатии и не исключается момент сговорчивости США (хотя возможен и момент усиления временной неуступчивости американской дипломатии).

Мир оказался на краю пропасти, на грани собственной гибели. Пошли предсказания новой холодной войны и даже начала третьей мировой войны. Председатель Комитета Госдумы РФ по образованию, президент фонда «Русский мир» В.А. Никонов в 2015 г. сказал на круглом столе «Пути российской цивилизации», что «есть ощущение, что мы находимся в состоянии войны, есть такое ощущение… Она ведется на всех фронтах. И, конечно, информационное противостояние – одно из многих, хотя война идет на самых разных направлениях, в том числе на экономическом, политическом, военном». Возможно, эти слова были произнесены под впечатлением выступления депутата Европарламента, председателя Европейского Русского мира Т. Жданок, сетовавшей на то, что ей «кажется, что россияне в отличие от нас [*русскоязычные в постсоветских государствах – В.Я.],* не осознают, что живут сегодня в состоянии войны. По крайней мере информационной» [28]. Думаю, однако, угрозы Северной Кореи заставили россиян серьезно задуматься на счет происходящего. Что же касается приведенных выше новаций В.А. Никонова и Т. Жданок об идущей войне, то на них, судя по всему, оказало влияние мнение начальника Генерального штаба российских вооруженных сил В. Герасимова, еще в январе 2016 г. обобщившего изменения в характере современных военных действий, о том, что «в XXI в. прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира» [29]. Однако, что бы то не сказалось на формирование их точки зрения, она имеет алармистский характер, вызывает страх в обществе, нагнетает боязнь третьей мировой войны, усиливает напряженность в межгосударственных делах. Однако и понуждает руководителей развитых и растущих стран задаться вопросом, а не пора ли одуматься и не приступить к сплочению, компромиссам, разблокированию

миротворческих инициатив, к коллективным действиям по наведению порядка в мире, к отказу от навешивания ярлыков, шараханий, к согласию с неизбежными переменами и установлению подлинного цивилизационного сосуществования, к внедрению в жизнь выверенных сценариев развития, к снижению уровня воинственной и враждебной риторики, причем, прежде всего, на официальном уровне, да и в СМИ и в научных работах не мешало бы сменить тональность суждений. Президент России В.В. Путин после беседы с госсекретарем США Джоном Керри 24 марта 2014 г. подал яркий пример такой смены, заявив, что «контакты России и США всегда проходят плодотворно» [30]. Да и министр иностранных дел России С.В. Лавров смягчил тон своих комментариев. Сам Керри тогда говорил о необходимости более действенного сотрудничества России и США в борьбе с терроризмом ИГИЛ. Все это не могло не понравиться в Москве. Известные политические наблюдатели из газеты «Коммерсантъ» еще накануне визита Джона Керри в российскую столицу С. Строкань и И. Сафронов писали, что его приезд в Москву знаменует собой оживление российско-американских контактов после инициированного президентами РФ В.В. Путиным и США Бараком Обамой прекращения огня в Сирии [31]. Однако на деле вышло далеко не так, как на то надеялись в Москве.

О заметном потеплении российско-американских отношений, о чем заговорили после мартовского 2016 г. визита госсекретаря США Джона Керри в Москву и достигнутых договоренностей относительно Сирии и продолжения борьбы с ИГИЛ, следует сказать все-таки: они не были столь радужными. [32] В их оценке важно принять во внимание комментарии самого госсекретаря, который заявил в интервью телеканалу CBS: «Россия помогла в достижении ядерной сделки с Ираном. Россия помогла вывезти химическое оружие из Сирии. Теперь Россия помогает с прекращением военных действий. И если Россия действительно может помочь нам повлиять на процесс политического урегулирования, это отвечает стратегическим интересам США». Но он твердо ответил «нет» на вопрос «является ли Россия союзником США» [32]. В свою очередь пресс-секретарь президента России Д. Песков, отметив отсутствие в Москве иллюзий по поводу возможности создания антитеррористического союза

России с США и другими странами Запада, прокомментировал итоги этих переворотов, волновавшие больше всего экспертов: «Нельзя сказать, что мы приблизились к сотрудничеству в сфере борьбы с терроризмом. Нельзя сказать, что мы приблизились к созданию альянса для борьбы с теми вызовами, которые перед нами» [31]. И, тем не менее, нельзя вовсе исключить значительность результатов этой встречи после долгих лет отсутствия какой-либо взаимности в сирийском конфликте. В них присутствует позитивность сделанных Россией и США совместных шагов, пусть даже по одной проблеме – Сирии. Начало положено, а дальше все зависит от воли и желания официальных Москвы и Вашингтона. Благоприятные в целом отзывы о плодотворности российско-американских контактов в марте 2016 г. из Москвы уже последовали (см. выше). Однако, как пояснил заведующий сектором военно-политического анализа ИМЭМО РАН С. Ознобищев, отказ Москвы участвовать в глобальном форуме по ядерной безопасности, начавшийся 31 марта 2016 г. в Вашингтоне «доказывает наметившееся потепление в отношениях США и России… может привести к заметным переменам еще нескоро» [33]. В Москве, принимая Джона Керри и обсуждая с ним далеко не полный спектр всех проблем во взаимоотношениях, несомненно, учитывали, что Барак Обама, как заметил заместитель директора ИМЭМО РАН Ф. Войтоловский, «не хочет оставлять в наследство своему преемнику проблемы в отношениях с Москвой». А по словам американского президента, «Владимир Путин заинтересован, чтобы Москву видели партнером Вашингтона» [33]. Оценивая все эти вышеизложенные откровения, связанные с визитом Джона Керри, вероятно, можно отметить, что наметился некоторый, пусть и малозаметный, пусть скрытый от мировой общественности, пусть еле проглядываемый сквозь толщу фактов, суждений, обвинений, нелестных замечаний, откровений, дипломатических уверток, заверений и прочих словесных и политологических официальных откровений, шажок в изменении в лучшую сторону российско-американских отношений, влияющих на всю архитектуру мировой политики, на всю многоликость конфигурации международных отношений.

И это – несмотря на весь скептицизм экспертов и политиков, а также заявления типа «Россия, отказавшись от участия в саммите по ядерной безопасности «сама себя изолировала».

Этот тезис о самоизоляции России в ходу в мире. О нем с грустью недавно поведал, рассуждая о доверии, растущем в результате развития экономических связей, известный польский кинорежиссер Кшиштоф Занусси: «Поэтому то, что Россия в такой степени изолировалась за последние два года, – это огромная потеря для всех, в том числе и для России. Потому что доверие строится медленно. С другой стороны, с самого начала перемен я не понимаю, почему Россия не идет вместе с Европой и Америкой – ведь это ее природное место» [34]. Таковы суждения, распространяемые на Западе. Однако, ратуя за доверие между Россией и Западом, Кшиштоф Занусси ссылается на заявление экс-главы МИД Польши Адама Ротфельда о том, что доверие надо восстанавливать на уровне военных, поскольку они не политики и не идеологи, а говорят о конкретных шагах и фактах. К. Занусси убежден также, что наряду с военными культура должна стать мостиком цивилизационного единения России с Америкой и Европой, ибо она, обладая пророческими качествами всегда «строила то, что общество еще не понимало» [34]. То есть по существу подчеркивается огромная роль мягкой силы для налаживания российско-американских отношений. Этот же ресурс имеет касательство и к китайско-американским отношениям (см.: выше). Конечно, он приемлем и эффективен и для совершенствования и углубления сотрудничества России и Китая.

По весне 2016 г. вновь обострилась застарелая мирополитическая проблема северокорейской ядерной и ракетно-баллистической программы. Пхеньян в нарушение резолюций СБ ООН провел серию ядерных и ракетных испытаний. Более того, КНДР в открытую стала угрожать Вашингтону и Сеулу применением ядерного оружия, если США и Республика Корея проведут масштабные военные учения. Ответственные державы, и прежде всего Россия, которую во многом (но не во всем) на мировой арене поддерживает Китай, обеспокоены складывающимися обстоятельствами на Корейском полуострове.

Поскольку угроза ядерного удара нависла над США и его союзниками в регионе СБ ООН, который единогласно принял резолюцию, осуждающую Северную Корею и вводящую новые санкции против нее. Нависшая над миром катастрофа вольно или невольно сплотила Россию, США и Китай. Все три страны действовали в русле формулы академика А.В. Торкунова, «зафиксированной в подзаголовке его статьи «Семьдесят лет спустя», а именно: «нынешняя враждебность между Западом и Россией не является естественным состоянием» [35]. Как бы там ни было, как бы ни складывалась атмосфера взаимной неприязни или, наоборот, как бы позитивно ни выстраивались подходы друг к другу, в геополитическом треугольнике Россия–КНР–США «в действительности объединяющих факторов гораздо больше, чем разъединяющих». Эти слова принадлежат видному российскому политику М. Маргелову, сказанные им будучи председателем Комитета по международным делам в Совете Федерации Федерального Собрания РФ [36].

Весьма любопытно мнение бывшего заместителя министра иностранных дел России Г. Кунадзе о том, что «в глубине души мы сами хотим стать Америкой… вездесущими и всевидящими… поучать и наставлять остальных. Мы, одним словом, не против привилегированного статуса Америки в мире. Мы за то, чтобы иметь такой же статус самим» [37]. Может быть, в этом кроется убежденность официальных лиц России и, добавлю, Китая, в том, что чтобы они не делали на мировой арене, все это безгрешно, справедливо, верно, не должно оспариваться. Только потом, спустя годы, начинаются признания в ошибочности той или иной акции. Вышеприведенные слова Г. Кунадзе можно отнести и к Китаю, который прилагает немало усилий, чтобы стать ведущим лидером в глобальной политике. Не случайно общим местом в рассуждениях о будущем мирового сообщества стало мнение о том, что произойдет смена «американского века» на «китайское столетие».

В Вашингтоне, однако, не готовы смириться с таким оборотом истории, но в Москве, правда, не реагируют муссируемых предположений о восшествии Поднебесной на вершину мировой политики. Москва видит в Поднебесной самого стойкого и последовательного своего партнера, отстаивая принципы многополярности мира. (Хотя в научной сфере есть и

скептики в отношении многополярного мира, ибо, как полагает А.В. Малашенко, «не существует внятных критериев того, что представляет собой такой полис» [38]. Россия – великая держава, не желающая терять свои важные позиции на мировой политической карте XXI в., и, наоборот, стремящаяся наращивать свое присутствие в мировом сообществе и повышать роль в международных делах. Генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД) А. Кортунов написал, что «любая страна или группа стран, теряющих свои былые позиции в международной системе, относится к этому весьма болезненно». То же самое свойственно и Китаю, несмотря на все заверения в преследовании иных не ведущих целей на мировой арене. В свою очередь США во чтобы то ни стало пытаются не лишиться лидирующего положения, если уж не вернуть себе доминирующей роли в мировом сообществе. В любом случае прав генеральный директор РСМД А. Кортунов, написав, что «военная сила, даже самая современная, сама по себе не решает проблемы лидерства» [39].

Интересно в этой связи мнение британского историка, военного и государственного деятеля Джона Глабба (1897–1986) о том, что «во все времена существовали одно или два господствующих государства, которые в свое время вызывали восхищение или, по крайней мере, молчаливое подражание со стороны других». И более того, он далее продолжает, выдвигая любопытную точку зрения, «эта фаза лидерства переходила от одного государства к другому, и за всю историю еще ни один народ не получал этой возможности дважды» [40]. Если верна эта точка зрения, то «возрождение величия китайской нации» станет первым случаем, когда Китай спустя столетия снова вернет себе лидерство. Да, собственно говоря и Россия не в стороне от этого процесса возвращения в лоно первенствующих держав. Первые полтора десятилетия XXI в. – тому подтверждение: Россия после распада Советского Союза как его правопреемница потеряла приобретенные им позиции в мире, но довольно быстро воспряла, заняв на новой основе решающее место на мировой арене. И Поднебесная, и Россия уже многого добились на этом пути. Мир отдает должное высокой роли этих стран в глобальной и региональной

политике, видя в них защитников международного права и справедливости, готовых всегда отстаивать интересы человечества.

Вашингтон противится тому, что недолго пробыл на вершине пирамидального миростроения, доминируя после распада СССР, да и лидерство стало убывать. Россия пытается вернуть былое величие Советского Союза, с которым считался весь Запад, а многие государства «третьего мира», как тогда называли освободившиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, вместе взятые, с вожделением смотрели на Москву, видя в ней свою защитницу, заступницу, и, чего греха таить, кормилицу. Да и царское время дает нам немало свидетельств того, что Александр I распоряжался в Венском концерте стран-победителей Наполеона Бонапарта, а Александр III с гордостью вещал, чтобы Европа подождала, пока русский царь ловит рыбу.

Это было все в прошлом, но оно не исчезло из памяти русского народа и тех народов, что все вместе строили Российское государство. Аналогичная ситуация в Китае. Что же касается США, то их население живет в атмосфере текущего воспреобладания американского государства над миром, да и былое у американцев, что называется, не за горами.

Былое, помнится, дает о себе знать, к нему обращаются власти, когда надо объяснить своему народу и миру позицию в отношении того или иного события, своих действий. Более того, в них создается и развивается инфраструктура исторической памяти, выделяя при этом как общемировые компоненты, так и внутристрановые либо межстрановые представления. В совокупности все это, функционируя на коллективном уровне, воздействует на внутреннюю и внешнюю политику [41]. Вместе с тем, факты исторической памяти могут помочь в поиске общих черт, общих характеристик, общих событийных восприятий, одинаковости в жизненных условиях, судьбоносных предназначений, цивилизационной схожести. Яркий пример тому – празднование 70-летия победы во второй мировой войне (в России великой Победы в Великой Отечественной войне), торжества по случаю 70-летия ООН, ежегодный праздник в России День единства 4 ноября; 4 июля – День независимости США; 2 сентября – окончание второй мировой войны и день Победы Китая в этой войне и пр. Конечно, в эти историко-памятные даты каждая страна вносит свой

патриотический смысл, отвергает или укрепляет устаревшие шаблоны исторической оценки, а также стремится за счет напоминания о выдающихся и славных делах дней минувших поднять свой имидж за рубежом и трансформировать былое в позитив для межгосударственных отношений. Это направлено, в конечном счете, на создание адекватных механизмов странолюбия за рубежом и, конечно, внутри самого государства, особо опекающего историческую память (в моих рассуждениях речь идет о России, Китае и США). Вероятно, настало время скоординировать между ними цели и задачи высокочтимых историко-памятных дат и деяний, чтобы не наносить труднопоправимый вред от неверных, надуманных и провокативных толкований, избавив тем самым от перекосов в понимании мировой истории (однако это – не призыв к однообразию, единомыслию, трафаретности в характеристике пройденного пути развития). Опираясь на историю, содержащую немало совместных благородных дел, эти три державы, обладающие высоким статусом великих держав, должны еще в большей степени понимать свою ответственность за судьбы мира. Попутно замечу, что и те государства, которые стремятся заполучить подобный статус, должны сейчас взять на себя такую же ответственность. Это и Индия, и Пакистан, и Израиль, и КНДР, и другие государства, располагающие ядерным оружием или находящиеся на пороге его создания. А здесь очень важны позиция России, Китая, США, а также Великобритании, Франции. И если эти две последние из названных стран вместе с Россией ратифицировали Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), то США, Китай, Индия и Пакистан, уже не говоря о КНДР и Израиле, этого не сделали. А следовало бы, чтобы добиться стабильности и безопасности в мире. Примечательно, что со стороны Пхеньяна, такой шаг явился бы знаком примирения и устранения того, что МИД РФ назвал угрозой «полномасштабного военного конфликта» [42]. Да и США, вероятно, стоило бы прислушаться к призыву Пхеньяна о подписании договора о ненападении и отреагировать на него позитивно, разумеется, а не отмалчиваться.

Должно быть ответственное поведение на мировой арене всех государств, независимо от их места в пирамидальном строении мирового

сообщества [43], вершину которого в настоящее время уже занимает США в гордом одиночестве.

Каков бы ни был расклад сил между Россией, Китаем и США, как бы их идеологи и прагматики, руководители и советники, ученые и политики не оценивали ход истории, современную мировую политику, как бы не реагировали на конфликтные и кризисные ситуации, цивилизацилионные столкновения, как бы не ссылались на славянские и православные основы институционального единения, либо на конфуцианство или на евроатлантические ценности, эта тройка государств являются стержневыми в современно мироустройстве, и от них зависит многое на планете.

Все три страны, хотя противоположны по многим жизненным параметрам, и политически, и экономически, и стратегически, и в мягкосиловом, культурном и гуманитарном отношениях, тесно взаимосвязаны. Каждая может преуспеть в своем развитии только если преуспеют две другие, иначе быть не может, ибо, во-первых, в глобальном мире многое (если не все) переплетено и в нем растет взаимозависимость и взаимодействие стран, а не отторжение их друг от друга, чтобы не говорили по этому поводу ретивые политики и шелкоперы, и, во-вторых, в геополитическом треугольнике Россия-Китай-США взаимообразно действуют немало факторов (ТНК, автомобильные компании, нефтяные и газовые трубопроводы, поставки сырья фирмами, где присутствует капитал того или иного участника геотреугольника, торговля, золотовалютные запасы в долларах и юанях, технологии и пр.). Следует учитывать также притягательную силу Поднебесной, Америки и России в мировом пространстве. К ним, к их военной, политической, технологической и экономической мощи тянутся малые, средние и крупные государства, видя в них опору своей независимости, суверенитета, развития, безопасности и стабильности. Словом, в мировом сообществе существуют объективные мотивы (*о них указано на предшествующих страницах*), чтобы образовалась G-3 в составе России, Китая и США. Это будет действенный формат их взаимодействия и взаимообщения, обладающий институциональными механизмами, позволяющими им обсуждать и решать прежде всего вопросы их собственного сотрудничества, устраняя противоречия на основе

договоренностей. Это будет эффективный политико-теоретический формат, в котором будут собираться те, кому поручат президенты трех стран вести конкретные переговоры по тем актуальным проблемам и кризисам, какие сложившиеся реалии международных отношений требовали бы незамедлительно разрешить. Этот формат – не в обход ООН, G-20 и других международных организаций, а, наоборот, в дополнение к ним. Иное дело, что со временем G-3 станет более значимым форматом, но не сможет заменить ООН. Это будет креативной, быстрорастущей площадкой мирового уровня.

Эту идею автор статьи высказал ещё в 2013 г. [25. С. 63, 69 ,70]. К числу доводов, приведенных тогда, следует добавить следующие:

G-3 стала бы мощным инструментом коллегиального глобального управления, в том числе в АТР;

G-3, в которой каждая из сторон, преследуя свои национальные интересы и учитывая складывающиеся тенденции современного мирового развития, налаживала бы контакты друг с другом, с изменяющимся миром, а не отвергала бы сходу, а то и по истечении какого-то времени, происходящие перемены;

в G-3 разговор между ее участниками был бы не враждебный, а заинтересованный в поисках выхода из создавшегося трудноразрешимого положения;

в G-3 предлагались бы к развитию взаимоприемлемые компоненты мягкой силы, включая экспертные оценки и сферу распространения русистики, американистики и китаистики;

в G-3 со временем, возможно, исчезли бы взаимные претензии друг к другу по поводу гегемонии, доминации и лидерства. Лидером выступала бы эта тройка, но действовала бы она в конечном счете через ООН и другие международные и региональные организации, и не в ущерб остальному миру;

G-3 отстаивала бы принципы состязательности и конкурентности без применения военной силы, угроз и посредством партнерства между собой и в мире в целом;

G-3 разрабатывала бы концепции мироустройства для обсуждения в ООН;

G-3 стала бы преобразующей силой, своеобразным геополитическим местом распространения бесконфликтных и неконфликтогенных идей, плацдармом для стратегических размышлений в области мироустройства и миротворчества;

G-3 стала бы форматом межгосударственного взаимодействия для выработки мейнстрима глобализации, комфортного для всех стран мира, и при их участии;

G-3, куда войдут три великие державы, хотя и с многими неодинаковыми показателями экономического развития, будет тем не менее своеобразным стержнем экономического роста для мира в целом, ибо Россия, Китай и США смогли бы совместно предпринимать своевременные шаги по предотвращению или по крайней мере смягчению кризисных явлений. Разумеется, им нужно было бы к этому привлекать и другие страны, экономические и политические объединения.

G-3 вследствие проведения так называемой умной политики смогла бы устранить при привлечения ЕС, Индии и других акторов мировой политики современный хаос в межгосударственных отношениях и в мирополитическом развитии. Тем самым «Группа – 3» укрепила бы ведущую роль в мировом сообществе ООН, ибо она действовала бы в ее рамках, уставных норм и в соблюдении международного права.

G-3 вплотную занялась бы проблемами падающих (failing) и несостоявшихся (failed) государств, серьезно подрывающих в настоящее время стабильность мирового сообщества.

G-3, вероятно, успешно действовала бы в отношении принятия эффективных мер касательно так называемых непризнанных государств [44];

G-3 возможна и просто необходима, несмотря на то, что Россия в настоящее время, да и Китай, выступают как реальные противники американских устремлений к доминации в мире или ,по крайней мере, сохранению своего лидирующего положения, которое подвергается, к сожалению для Белого дома, сильной коррозии. В Вашингтоне прекрасно осведомлены о том, что Евросоюз, следующий в целом его курсом в мировой политике, по рассуждениям сингапурского исследователя К. Махбубани, одновременно является гигантом и карликом [45].

В ведении G-3 оказались бы вопросы не только трехсторонних отношений, но и проблемы трансформации мир-системы;

Не обошла бы своим внимание G-3 острейшие проблемы исламофобии, христианофобии, антисемитизма, шиито-суннитского антагонизма и, конечно, международного терроризма, а также выхода ислама на мировую арену, требований исламских государств признания за ними мирообразующей силы, а это означало бы включение наиболее развитых мусульманских стран в ведущие международные организации (в ООН они все представлены, но их деятельность там в целом незаметна);

G-3 будет признаваться центральная и координирующая роль ООН и главная ответственность её Совета Безопасности по поддержанию мира на Земле.

G-3, несомненно, взаимодействовала бы с ЕС, трудности которого со временем останутся позади. Все три страны чрезвычайно заинтересованы в развитии долгосрочных и взаимовыгодных отношений с ЕС. Во-первых, нельзя забывать, что геополитически США еще с послевоенных лет рассматривают Европу с точки зрения продолжения своей территории и, естественно, своих интересов. Во-вторых, Россия, несмотря на утрату значительного территориального массива в Европе из числа союзников – бывших социалистических стран в результате распада СССР и вместе с этим потерю фактора своего присутствия там, в том числе военного, именно в ЕС видит один из важнейших рычагов подъема своей экономики, возможной поддержки своих начинаний на мировой арене. По мнению экс-председателя Еврокомиссии Романо Проди, высказанному в интервью по завершении визита в Москву, «будущее России и Европы взаимосвязано» [46]. Доказывая свою правоту такого взгляда, он сослался на то, что «процесс модернизации России не может быть произведен без взаимодействия с Европой». И тотчас Романо Проди отозвался скептически об альтернативе Китая, вместо Европы, заявив об отсутствии перспективы долгосрочных отношений Поднебесной и России. Вряд ли можно было услышать от него что-то иное в отношении китайско-российских связей, в том числе в технологической и инновационной областях. Этот антикитайский выпад был сделан на фоне активизации контактов Китая с ЕС, его странами, в том числе с Италией, которой Си Цзиньпином были

обещаны 50 миллиарднодолларовые заказы. Тем более что заинтересованность Китая в ЕС, включая и в связи с «Одним поясом – одним путем», общеизвестна.

G-3 занялась бы формирование политической карты в космическом пространстве, о чем уже пишут или говорят даже отечественные ученые [47]. В этой связи уместно здесь привести высказывание профессора О. Цыганкова касательно притязания ведущих держав на освоении Луны: «Проект «Договора о Луне», подготовленный ООН в 1979 году, где была сделана попытка запретить коммерческое использование небесных тел, включая Луну, так и остался проектом. США, СССР, Китай, Индия и Япония его не подписали, что свидетельствует о намерениях этих государств сохранить за собой приоритет в использовании природных ресурсов небесных тел, в том числе и Луны. В исторической перспективе Луна становится целью колонизации и одновременно попадает в сферу геополитики как концепции, объединяющей политические, географические и исторические факторы, оказывающие влияние на ресурсный потенциал и геополитику государства» [47]. Конечно, здесь без ООН не обойтись будет. Тем более, что свой кусок пирога отхватить захотят и другие крупные государства или их объединения. Теоретически важен введенный в науку О. Цыганковым термин «политическая карта Луны». Представляется целесообразным вообще говорить о «политической карте космоса» и о науке «политическая география космоса». По мнению автора статьи, G-3, сочетая национальные интересы каждого из участников этого формата с потребностями мировой политики, глобальной экономики и принципов сотрудничества и партнерства, могла бы приступить к формированию основ структурирования подходов к политико-пространственному размежеванию в космосе, но не в ущерб всему человечеству.

Конечно, перечисление одних только острейших проблем современного мира, которые совместно могла бы решать в G-3 Россия, Китай и США, заняло бы немало места. Но суть не в их количестве, а в том, что их наличие придает неустойчивость всему современному мирозданию и не может не беспокоить участниц G-3. Главное в случае реализации идеи G-3 между Россией, Китаем и США образовался бы формат, где они смогли бы обсуждать или смягчать имеющиеся, или

возникающие между собой противоречия, недоверие, недопонимание, и рекомендовать решение узловых проблем мироустройства. Разумеется, G-3 не должна быть замкнутым форматом. К своей деятельности она должна привлекать ЕС, другие крупные страны, региональные интеграционные группировки и, конечно, широко практиковать для расширенного диалога и взаимодействия формат «аутрич». Тогда только можно будет достигнуть объективности в решении мировых проблем.

Взаимодействие в рамках G-3 благоприятно сказалось бы на всей мирополитической обстановке, в том числе и, пожалуй, в наибольшей степени в отношении простых людей к странам-участникам этого формата как в них самих, так и в мире в целом. Ведь никуда не годится, когда к США только 2% россиян в январе 2016 года относились хорошо и 21% – в основном хорошо, а 65% – очень плохо.

Одновременно с этими удручающими показателями можно, конечно, положительно воспринять, что 54% россиян считает, что России следует укрепить связи с Западом, но в 2003г. такое мнение было присуще 77%; если в самом начале текущего века 11% респондентов полагали необходимость дистанцироваться от Запада, то теперь – 31%. Столь нелестная оценка населением России Запада настораживает и должна заставить задуматься западные государства, и прежде всего США. Зато к Китаю относились в основном и очень хорошо 72% россиян и только 13% – очень плохо. Хотя и здесь в сравнении с январем 2015 г. произошло снижение числа «хорошистов» с 80% до 72%. Возможно, в этом сказались сообщения СМИ о трудностях во взаимоотношениях в бизнесе, а также недостатках в проведении Россией курса на присутствие в ряде стран, и особенно в Центральной Азии, где позиции РФ оспариваются США, Китаем и Турцией. Однако при оценке негативного отношения россиян к той или иной стране Запада уместно принять во внимание идеи исследователя С.Н. Погодина, неоднократно излагавшиеся на Круглых столах, проводимых в Санкт-Петербургском государственном университете, о том, что нашей стране свойственно по-доброму воспринимать то или иное зарубежное государство, если оно действует в рамках миролюбия, странолюбия и не враждебно России. 30% россиян считает также, что большинство развитых стран мира сейчас относится к России как к врагу, а в январе 2007 г. – так

полагали только 7%. [48]. Такой сдвиг в сознании россиян произошел не случайно: этому послужили антироссийские действия Запада начиная с 2013 г. В стране широко распространилось мнение, что Россия окружена врагами и что над нами нависла угроза Третьей мировой войны. Прав был премьер-министр России Д.А. Медведев, выступая на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в феврале 2016 г., когда с искренним чувством сожаления обратился к ее участникам, задав вопрос: «Неужели нам нужна еще одна, третья мировая встряска, насколько сейчас необходимо сотрудничество, а не конфронтация» [49]. И далее он на поставленный им же самим вопрос «есть ли у нас шанс наконец объединиться, чтобы ответить на вызовы «текущих лет», ответил с уверенностью «да».

Исходя из этих заявлений Д.А. Медведева и предложений, сделанных президентом России В.В. Путиным в речи на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г., вполне оправдана инициатива о создании формата G-3. Принятые в этом формате рекомендации мировому сообществу, судя по всему, будут поддержаны союзниками всех трех участников G-3. Они не будут представлять собой односторонние действия, которые, как говорил В.В. Путин в 2007 г., «не помогают снизить напряженность в международных отношениях, а только усиливают ее» [49]. Реалии сегодняшнего дня подтверждают эту точку зрения. Так, по мнению министра иностранных дел Армении Э. Налбандяна, «карабахская проблема – тот редкий случай, когда Россия, США и Франция сформулировали общий подход к урегулированию и выступили с предложениями, на основе которых можно выйти на разрешение конфликта [50].

Примером могут служить также договоренности России, Ирана и Сирии, касательно использования российской авиации и советников для достижения мира на сирийской земле и ликвидации ИГИЛ (ДАИШ). Можно привести еще немало конкретных примеров многостороннего согласования в разрешении кризисных проблем в мировой политике и глобальной экономике. Конечно, создание формата G-3, учитывая внешнеполитический потенциал каждого участника, придало бы еще

большую эффективность и своевременность принятия решений, а также надежность в полной реализации обговоренных инициатив и шагов.

Китаю, России и США, сталкиваясь с возникающими противоречиями по тем или иным проблемам и событиям в мировой политике и глобальной экономике и отстаивая при этом свои интересы, как писал директор Центра политических исследований А. Федоров, в начале 90-х годов XX в. занимавший пост заместителя министра иностранных дел России, «важно понимать, какую цену каждая из них готова заплатить и насколько эта цена соответствует возможностям остаться на пути развития, а не быть отброшенной назад» [51].

Проект G-3, кажущийся мне наиболее эффективным форматом взаимообщения и взаимодействия в коллективной системе глобального управления будет оправдан самой практикой мирополитического развития, будет реализован или, наоборот, отвергнут самой жизнью, практикой мирополитического, регионального и национального развития в последующие десятилетия. Кто мог, кстати, предполагать, что наступит время, когда Россия, после многолетних ее попыток добиться полноправного членства в G-7, превратившегося с ее допуском в G-8, исключат из этого формата. А это произошло как реакция прежней G-7 на возвращение Крыма в состав России по волеизъявлению его населения и разразившийся масштабный украинский кризис, в инициировании которого Запад обвинил Москву. Все же, несмотря на заявление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова по поводу ничего не значившей G-8 в управляемости мирового развития, отсутствие России в работе G-7 ограничило российское мирополитическое влияние, в том числе Москва потеряла канал доведения своего мнения до ведущих государств мира. Если прав глава внешнеполитического ведомства России, то, как тогда понять пункт 30-й Концепции внешней политики страны 2013 года, где записано, что Россия, придавая «большое значение обеспечению устойчивой управляемости мирового развития… при полном уважении центральной и координирующей роли ООН… будет наращивать взаимодействие в таких форматах… как «Группа восьми»… Верно, что в настоящее время, по указанию президента России В.В. Путина, министерство иностранных дел готовит новую концепцию внешней

политики, исходя из текущих перспективных событий и процессов. В ней, конечно, будут новые оценки, новые идеи, новые концептуальные положения. Но, когда пишутся эти строки, приходится учитывать только то, что имеется. Это наша история, но она поучительна и позволяет повысить внешнеполитическую эффективность и конкурентоспособность, упрочить её мягкосиловой потенциал, создать прочную базу осознанного движения вперед [52].

В связи со сказанным по поводу G-8 уместно напомнить, как достойно, оперативно и высоко результативно Россия провела саммит G-8 в 2006 г. в Санкт-Петербурге.

Вслед за антироссийской акцией по поводу ее членства в этой организации чуть ли не произошло то же самое в G-20 в 2014 г., но предложение премьер-министра Австралии не прошло благодаря благоразумию большинства стран G-20.

Приведенные факты убедительно демонстрируют, что международная жизнь полна неожиданностей и что тот или иной формат взаимодействия держав не вечен, уже не говоря о судьбе предлагаемых инициатив создания новых проектов межгосударственного диалога, в том числе и G-3. Таковы возможные сущностные повороты в практике мировой политики. Тем не менее, выдвигая идею создания G-3 и подкрепляя ее вышеизложенной аргументацией, выношу на суд научной общественности свое предложение. Каковы бы ни были результаты соответствующих дискуссий, считаю в целях исключения хаотичности и небывалой турбулентности современной мирополитической практики государств, гражданских обществ, неправительственных организаций и других акторов необходимо создание G-3.

Эта группа вследствие увеличивающейся многоликости мировой политики, включая деятельность различных значимых международных интеграционных организаций G-20, БРИКС, ШОС, НАФТА, ЕС, ЕАЭС и других, не сможет навязывать мировому сообществу свою волю, свою доминацию и сверхдержавность. Да, и ее создание и функционирование не предусматривает подобного предназначения. Таков вызов истории XXI века. И мир тогда, когда произойдут базовые институциональные перемены, в том числе за счет G-3, и сложится новый миропорядок, где

будет отсутствовать «западный комплекс триумфализма» и тщательно скрываемый ныне «восточный комплекс догнать и перегнать», поистине станет многополярным. Не возникнет ли в это отдаленное время коллективный вершитель судеб мира и, переиначив немного слова М.Ю. Лермонтова, будет ли этот судия справедлив.

Если да, то надолго ли, ибо, на личный взгляд автора, сохраняющаяся в исторической памяти имперскость не истребима. Но это уже далекое будущее, предугадать его параметры сейчас, по-видимому, можно, но вряд ли суждения будут точны и исторически достижимы, так как в мире экономическое, демографическое, территориальное, природно-ресурсное, политико-влиятельное и географическое неравенство между странами никуда не денется, даже если, как предполагается, к концу XXI в. на политической карте мира будет до 500 государств [53]. Отсюда интересы у них не совпадут с теми государствами, что существуют ныне.

Возможно, когда возникнет G-3, появится в сознании мирового сообщества миф о новом витке всемогущества «тройки». Это уже будет, однако, не миф, а реальность, но распорядиться ею она должна будет справедливо в интересах всего мирового сообщества, больших и малых государств, с многомиллиардным или несколькотысячным населением, занимающих многомиллионно-километроквадратные площади или очень небольшими в сравнении с ними территориями. Не исключены также государствообъединительные процессы, вследствие которых число стран на политической карте мира уменьшится или, по крайней мере не так приумножится, как предсказывают. В любом случае интеграционные и дезинтеграционные процессы в государствообразовании в предстоящие десятилетия XXI века неизбежны. Будут происходить и перемены в политической и геостратегической ориентации новых и прежних стран. По-видимому, на поверку окажется реальным формирование «Нового Запада» как противовес уже сложившейся политико-географической и идеологической общности «Запад», о чем поведал миру Лулу в бытность свою президентом Бразилии. А может быть Россия совместно с Китаем приступят к образованию «Нового Востока», куда непременно будет включен и мусульманский мир, что придаст «Новому Востоку» больше мирополитической весомости и значимости. Представляется, что

предсказываемые новозападные и нововосточные тенденции становлении предстоящих групп государств, признаки которых можно найти уже сейчас в мироустройстве или по крайней мере предположить, исходя из наличия кое-каких элементов, тоже станут предметом обсуждения G-3.

Сама G-3, еще раз подчеркнем, должна будет руководствоваться не только национальными интересами друг друга, достигая при этом консенсус посредством учета основополагающих ценностей общемировой цивилизации, норм и установок поведения, выработанных в международном и внутристрановом общении народов, правительств, гражданских обществ, экономик и исторического опыта. Несомненно, ее участникам придется, выполняя свое предназначение, не игнорировать золотое правило «не делай другим то, что не хотел бы для самого себя». Иначе G-3 не выполнит свою историческую миссию.

Выполняя свое предназначение и содействуя дальнейшему укреплению глобально-управленческой роли ООН, G-3 сумеет организовать становление глубоких перемен в выработке баланса сил, интересов и перспектив в XXI веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации // URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/6d84dddedbf7da644257b160051bf7f (25.04.2016)

2. Коростиков М. «Китайцам дали команду выйти из режима пассивности» // Коммерсантъ. 1 марта 2016.

3. Fu Jing. US ‘erred in leaving China on sidelines’ // China Daily, October 23-29, 2015

4. Иванов И. Российско-американские отношения: границы возможного // Независимая газета – Дипкурьер, 14 марта 2016.

5. Сурков Н. Экс-разведчик Безруков: США на пороге смены курса. // URL: http://izvestia.ru/news/607987 (25/04/2016)

6. Гарбузов В. Россия – США: к новой модели взаимодействия // Независимая газета, 28 марта 2016.

7. РБК: Бегущая строка, 15 апреля 2016. 7.30-8.00 моск.времени.

8. Browne A. Xi offered the US a Slight Shift in Tone // The Wall Street Journal, September 30,2015; **Zhang Yunsi, Wu Jiao.** Dawn of a new era // China Daily European Weekly. October 23-29, 2015.

9. Скосырев В. Китай делает ставку на расширение связей с США // Независимая газета. 6 октября 2015.

10. Плескачевская И. Прага под китайским флагом // СБ. Беларусь сегодня, 31 марта 2016.

11. Тавровский Ю. Новый Шелковый путь пройдет через Уфу. // Независимая газета. – Дипкурьер, 29 июня 2015.
12. Тавровский Ю. Китайская мечта и её составляющие // Независимая газета, 4 декабря 2015.
13. Арбатова Н. Пять принципов отношений ЕС с Россией: тактика взамен стратегии // Независимая газета. 16 марта 2016.
14. Энгдаль У. Россия – в авангарде создания нового мира // Невское время. 15 июля 2015.
15. Ходынская-Голенищева М. «Ливийский урок». Цель оправдывает средства? – М.: ЗАО «ОЛМА «Медиа Групп», 2013, С. 45-99.
16. http: // special.kremlin.ru/events/ president/news/50385
17. Соловьева О. Развернувшись на Восток, Россия все-равно столкнется с Западом // Независимая газета, 30 сентября 2015.
18. Островский А. Китай в условиях «новой нормальности» // Независимая газета. 30 марта 2016.
19. Едовина Т., Шаповалов А. Миру не хватило китайского роста // Коммерсантъ, 20 января 2016
20. РБК: Бегущая строка, 29 апреля 2016 г., около 7.00 московского времени.
21. Поздравления читателям журнала «Москва-Пекин» // Международный журнал Москва-Пекин, 2016, март-апрель, с.4.
22. Тавровский Ю. Путем Великого Юя // Независимая газета – Дипкурьер, 14 марта 2016.
23. Ягья В.С., Ли Минфу. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке // Международная жизнь. 2015. № 7.С. 84-93; **Ли Минфу**. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политики КНР в XXI в. //автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. 23.00.04. СПбГУ. 2016. С. 24.
24. Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М.: Институт Африки РАН, 2010. С 251. ISBN 978-5-91298-058-9.
25. Ягья В.С. Мир и Россия в начале второго десятилетия XXI века // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке / отв.ред. В.С. Ягья, Т.С. Немчинова / Вып.6., СПб.: Изд-во СПбГУ. 2013.С.58 ISBN: 978-5-94396-109-0
26. Лихачев В.Н. Россия и Китай: вектор международного права // Международная жизнь. 2015. № 10. С. 148-156.
27. Паниев Ю. Китай, Россию и Трампа записали в глобальные угрозы // Независимая газета, 21 марта 2016.
28. Пути российской цивилизации. Круглый стол. // Стратегия России, 2016, февраль, №2 (146), с. 7-9.
29. Неклесса Александр. Смысл слов // Независимая газета. 2016-03-16 050 (6664).
30. РБК: Бегущая строка, 25 марта 2016 около 12.00 моск. времени.
31. Строкань С., Сафронов И. Джон Керри продвигает ограниченное партнерство // Коммерсантъ, 18 марта 2016.

32. Медведев Е. Керри не считает Москву ни другом, ни партнером // Независимая газета, 29 марта 2016.
33. Строкань С. Расщепление ядерного саммита // Коммерсантъ, 31 марта 2016. См. также: **Черненко Е.** Американские оценки необъективны и продиктованы эмоциями». Интервью с директором департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД РФ М. Ульяновым // Коммерсантъ, 31 марта 2016; **Литовкин В.** Вашингтон не откажется от ядерных испытаний // Известия, 18 апреля 2016; **Рябков С., Зербо Л.** «Договор о запрещении ядерных испытаний не должен становиться заложником ни одной из стран» // Коммерсантъ, 18 апреля 2016.
34. Дудина Г. «То, что Россия в такой степени изолировалась, – это огромная потеря для всех» // Коммерсантъ, 28 марта 2016.
35. Торкунов А. Семьдесят лет спустя, или Fulton revisited // Независимая газета, 18 марта 2016.
36. Семме Т. СПбГУ – мост между Россией и Америкой // Санкт-Петербургский университет. 2011. №8 (3833). С.44.
37. Кунадзе Г. Цена вопроса// Независимая газета, 15 ноября 2012.
38. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Отв.ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: ЛНАНД, 2015, с. 95
39. Кортунов А.В., Фролов А. В. Политика США в меняющемся мире // Международная жизнь. 2015. .№11. С. 1-26.
40. Глабб Дж. Б. Арабская империя. Пер. с англ. А.П. Саниной. СПб.: Евразия. 2009, с. 6
41. Глезерев С. Памяти нужны ритуалы // Санкт-Петербургские ведомости. 5 ноября 2015; **Столяров А.О**. Влияние исторической памяти на польско-российские отношения (1989-2009 гг.) // Автореф. дисс….уч. ст. канд. ист. наук. 07.00.15. СПбГУ.: 2015. 27с.; May I ‘Lessons’ from the Past: The Use and Misuse of History in American Foreign Policy. New York: Oxford University Press. 1973, 24 op.: Yuen Foong Khong. Analogies at War Koreas. Munich. Dien Bien Phu and the Vietnam Decissions of 1965. Princeton: Princeton University Press 1992, 304 p.
42. РБК: Бегущая строка. 18 апреля 2016 г., около 7.00 москов.вр.
43. Ягья В.С. Венец пирамидального строения мира (размышления в канун саммита) // Консул. 2006. № 5 (2). июль – сентябрь. С. 48-51.
44. Добронравин Н. Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX-начале XXI века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2013, 252 с.
45. Mahbubani K. Europe is a Geopolitical Draft// The Financial Times, 21 August 2008. См.также: **Гаджиев К.С.** Размышления о перспективах мир-системы // Власть. 2016. №2. С.5-13
46. Байкова Т. «Будущее России и Европы взаимосвязано» // Известия, 21 марта 2016.

47. Дорожкин Н. Интервью с профессором главным сотрудником РКК «Энергия» им. С.П. Королева О. Цыганковым. Как работает геополитика в космическом пространстве // Наука, 12 апреля 2016.
48. Россияне об отношении к другим странам // НГ-Сценарии, 29 февраля 2016
49. Байкова Т. «Мы скатились во времена новой холодной войны» // Известия, 15 февраля 2016
50. Кузнецова О. «В том, что решение конфликта до сих пор не найдено, виноваты не посредники и не Европа» // Коммерсантъ, 9 марта 2016 – В заголовок статьи вынесены слова армянского министра, которые подразумевают виновность Азербайджана. Тем более что в самом интервью он без всяких обиняков обвиняет Баку. Но в построении этой фразы заключен смысл виновности не только одного Азербайджана, но и самой Армении и любой другой страны, замешанной в конфликте. Таков русский язык, тонкости которого следовало бы знать.
51. Федоров А. Цена вопроса // Коммерсантъ, 29 сентября 2014
52. Дождиков А. В. История как наука для будущего // Власть. 2013. № 11. С. 130-132.
53. Никонов В.А. Россия в поисках места в мире // Вестник РАМИ. 2001. №2. С.21.

YAGYA, Vatanyar S. – St. Petersburg State University. 191060, Smolnogo 1/3, 8 entrance, St. Petersburg, Russia. e-mail: ZOKOEVAZV@sir.edu.

ON THE AGENDA: G-3.

The article proves the need to establish the format of G-3 as a part of Russia, China and the United States. Its mission consists in a tripartite discussion of acute problems of relationships, achievement of mutually acceptable agreements on them and make recommendations to address the pressing issues of international relations. In its activities the G-3 recognizes the central global-managerial role of the UN. G-3 would act, involving other major centers of world politics, taking into account the evolving configuration of international relations and promoting the establishment of a new world order, the relevant requests, trends, trends and tracks of the current century.

INTERNATIONAL RELATIONS; INTERNATIONAL ORGANIZATIONS, REGIONAL AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS; INTERNATIONAL COOPERATION FORMAT; THE UN; RUSSIA; CHINA; USA.